

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

О Сахарове и интеллигенции

Не зря прошло 200 лет исторического развития русской интеллигенции, чтобы воплотиться в Сахарове.

Внесенные в эпитафию слова взяты из дневника Раисы Орловой-Копелевой¹, где описаны ее многочисленные встречи с академиком. В среде, к которой со времен «оттепели» принадлежала Орлова, понятие *«интеллигенция»*, или *«настоящая интеллигенция»*, обозначало еще и неременную принадлежность к, выражаясь по-старому, критически мыслящей, или, выражаясь по-новому, оппозиционно настроенной части образованного сословия². Прочитанная квалификация Андрея

- 1 Любезно предоставлены мне ее дочерью Марией Орловой, делающей очень много для сохранения и публикации наследия Льва Копелева и Раисы Орловой.
- 2 Слово «диссиденты» долго не использовалось в качестве самообозначения.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

Дмитриевича Сахарова указывала на его принадлежность именно к такому социальному кругу.

Разумеется, Сахаров не был публичной фигурой, пока работал в закрытых структурах. И отдельные биографы, и общественное мнение обязательно отмечают ту часть его жизни, которая связана с созданием ядерного оружия. Стоит отметить, что никакой иной участник этого проекта не приобрел сравнимой известности – именно как «создатель бомбы» – во многом потому, что только Сахаров сменил эту роль на ценностно противоположную. При этом как участник ядерного проекта он вполне лоялен власти, ею признан и награжден, а после случившегося почему-то переворота в его сознании стал ей оппозиционером и был ею преследуем. Подобной метаморфозы не переживал ни один из известных публике «секретных физиков». Так что из рядов *советской интеллигенции* Сахаров попал в ряды *интеллигенции антисоветской*, а значит – настоящей.

В годы активной работы в ядерном проекте Андрей Сахаров был, разумеется, лишен контакта с советским обществом (и общественным мнением, даже если предположить, что оно в те поры существовало), во всяком случае с той общественностью, которая несколько позже образовала его аудиторию, став источником союзников и товарищей. Встречи с Лаврентием Берией или Никитой Хрущевым были более вероятны, чем с Револьтом Пименовым или Сергеем Ковалевым. Находясь почти двадцать лет на строго изолированном «объекте», Сахаров практически не мог видеть

в массе своей обычных советских людей в их обычной жизни. Но определенную их часть он все же наблюдал. Ядерные объекты строили заключенные, и это зрелище не оставило его спокойным. Он мало что знал про них, зато то, что знал, было недоступно другим: много лет спустя он рассказывал со слов знакомого о вооруженном восстании заключенных, строивших «объект».

Русская интеллигенция мучительно – из-за соприсутствующих в ее этосе императивов служения и обучения – искала свое место между властью и народом. Служение, то есть подчинение себя кому бы то ни было, и поучение – нахождение в суперпозиции относительно того, кому назидают, – это очень разные статусные конструкции.

Служение власти могло пониматься и как служба (лишь бы «беспорочная»), и как работа (лишь бы «честная») в государственном учреждении³. Здесь много вариантов и исторических примеров, на которых взращен этос русской интеллигенции: Пушкин в унижительном чине при дворе; Державин – крупный сановник; «разночинцы», то есть все же чины и чиновники; «совслужащие» – герои историй и литературных сюжетов, где пружина – драма отношений подчинения. Герой в этих нарративах подчинен власти (начальнику), но в собственных глазах или в глазах повествователя и читателя всегда выше ее морально, поскольку является носителем этоса и обладателем знания.

В служении же народу заключается драма российской интеллигенции, чей этос требует считать его источником/носителем морали и нравственности и

3 Поэтому Лев Гудков и Борис Дубин в своей критике интеллигенции называли ее частью бюрократии. Отметим, что в речевом обиходе слово «интеллигенция» («мы») имеет встроенную позитивную оценку, а слово «бюрократия» («они») – негативную. Указанная критика, в частности, предполагала «отнять» у интеллигенции этот априорный позитив как незаслуженный повод для гордости собой и заменить его на улитильное определение, приравнивание к своему социальному антиподу.

которая – при всем своем народолюбии – очень часто не находит взаимности⁴. Тем не менее функция интеллигенции мыслится именно в почитании народа, в служении ему, что утверждается и в религиозной, и в секулярной версиях интеллигентского этоса. Это имеет в виду и Сахаров (правда, не говоря прямо), когда размышляет о социальном предназначении своего труда на «объекте» над «проектом». Далее он занимался судьбами именно народов как исторических субъектов. Он знаменит своим определением афганской войны как преступления, дав ей такую квалификацию из-за действий против афганского народа; затем он говорил и о преступлении против собственного народа. Сахаров занимался делами крымских татар не только как отдельных лиц или семей – он имел в виду восстановление их прав как народа. В его проекте Конституции большое внимание уделено правам народов, в том числе малых, как политических субъектов. Наконец, его размышления о мироустройстве, о конвергенции политических систем имеют в виду судьбу всех народов мира⁵.

Интеллигенция, таким образом, хранит честь нации, жертвуя благополучием, а то и жизнью, ради сохранения – то есть предъявления всем – принципов честности. В секулярном мире ее представители выполняют роль праведников, святых и в качестве таковых обычно оказываются гонимыми властью. Приняв гонения, в этой роли оказался Андрей Сахаров (вместе с Александром Солженицыным).

Роль морального авторитета предполагает в том числе поучение власти-

телей в форме, как публичной, так и непубличной, в виде обличения или в формате совета/упрека. В этом, наряду с сохранением знаний и развитием науки, состоит вторая роль интеллигенции, которую она видит за собой. «Научно-техническая интеллигенция» – имя, говорящее о данной функции, и Андрей Сахаров, академик, трижды герой и лауреат, поднялся на вершину именно этой социальной структуры. И в момент, когда он достиг пика славы «создателя бомбы», а именно: на банкете после испытания самого мощного ее варианта – весь заработанный авторитет научного эксперта Сахаров использовал, чтобы дать власти совет морального рода. Он поднял тост за то, чтобы это оружие никогда не было использовано. И тут же получил отпор, причем в форме похабного анекдота, срывающего взятый высокий моральный тон и сводящегося к тому, что решать вопрос о применении бомбы будут военные, и на своих основаниях, а не на тех, о которых говорит Сахаров. По всей видимости, соединить служение народу и авторитет носителя знания удастся только на относительно низком статусном уровне – например, (и массово) в роли «хорошего учителя».

В эпоху Сахарова немало людей, многого достигших в науке, участвовали в правозащитной деятельности, реализуя интеллигентский долг морального служения. Распространенным способом конвертировать свой научный авторитет в наставление власти, в требование соблюдать моральные нормы были письма в адрес ЦК КПСС или высших руководителей страны. Жанр такого письма, предполагал большое число

4 Сахаров писал в «Воспоминаниях» о моменте, когда он «впервые столкнулся с неприязненным отношением к интеллигенции со стороны некоторых рабочих» или с тем, как на «сильно интеллигентных университетских смотрели с некоторым презрением».

5 Похоже, Сахаров, как и значительная часть русской и советской интеллигенции, разделял мечту о будущем слиянии всех народов в единый всемирный народ.

подписей людей со статусом именно интеллигентов. Здесь в одинаковых ролях выступала «научно-техническая» и «творческая» интеллигенция, а чем больше у подписантов было заслуг, отмеченных властью (доктор наук, народный артист, лауреат), тем выше были ожидания, что власть будет внимать их поучениям и критике.

Сами эти письма, кажется, ни разу не имели прямого эффекта, чтобы власти сделали то, что от них требовали. Иногда получался эффект отложенный, отчасти опосредованный участием иностранной прессы или значимых для руководства СССР лидеров зарубежных стран. Но гораздо более существенным оказывался другой эффект: за подписание таких писем часто следовали санкции – от мягких до вполне жестких, – что делало это действие актом самоотверженности и героизма, предусматриваемых этосом интеллигенции, точнее – настоящей интеллигенции. Письма, инициаторами которых выступали наиболее отважные представители этого сословия, готовые жертвовать своим статусом и причитающимися им жизненными благами, становились инструментом проверки на верность этическим принципам русской/российской/советской интеллигенции. Для многих, проходивших это испытание, образцом был именно Андрей Сахаров, его фигура и поступки. Но были и те, кто думал, а иногда и говорил вслух: «Он академик, лауреат – что ему делают? А у меня вот-вот защита, книга выходит, заграничная поездка намечается, – все ведь зарубят...»

Далеко не весь корпус советской интеллигенции подвергал себя такой процедуре проверки на верность корпоративным принципам. Но сахаровская эпоха запомнилась не только репрессиями властей в отношении оппозици-

онно настроенных граждан, но и этими волнами внутреннего контроля. Решение о (не)подписании писем влекло за собой либо санкции со стороны властей (или по меньшей мере тягостных страхов и опасений их ожидания), либо моральные «репрессии», эксклюзивно со стороны «своего» сообщества и тягостных мук совести.

На фоне этих моральных мучений и коллизий Сахаров выглядел счастливым исключением, не ведавшим, по убеждениям своих почитателей (да и врагов), страха, что, как теперь кажется, стало одной из причин того, что он попал на роль морального авторитета интеллигенции. (Вероятно, в значительной степени это относится и к Александру Солженицыну.) Сахаров выступал с письмами и заявлениями такого содержания, что за их перепечатку другим приходилось объясняться в КГБ. За очень короткое время из тайной фигуры Сахаров превратился сперва в кумира интеллигенции, а затем в моральный авторитет для всего народа. Как и во многих других случаях, его возвеличиванию способствовала смерть. В марте 1991 года опрос ВЦИОМ зафиксировал пик известности Андрея Сахарова: о нем знали более 90% городского населения страны – как о вкладе в создание «ядерного щита родины», так и о преследованиях со стороны властей. В рядах «сахаровской интеллигенции» тогда было горькое чувство, что при жизни ему не было воздано народом за все, что Сахаров для него сделал. Потому от имени народа было принесено покаяние: траурная процессия несла огромный транспарант «Андрей Дмитриевич, простите нас!».

Все, что было далее, – это история слабеющих попыток бывшей советской интеллигенции утвердить в политической жизни страны принципы, которые

освятил своим именем Андрей Сахаров. Установление новых социальных порядков, чему эта социальная категория немало способствовала в годы перестройки и гласности, сперва незаметно для нее, а потом все заметнее стало смещаться в непредусмотренном направлении. Экономическая трансформация, включавшая деиндустриализацию, обрушение ведомственной и академической науки, коммерциализация образования и медицины привели к тому, что интеллигенция потеряла свою социальную базу, рабочие места и источники существования. А те, что остались, поменяли свою социальную природу. Вместо служения народу учителям и врачам пришлось стать работниками сферы услуг. Вместо интеллигентского бескорыстия оказались востребованными способности «быть деловым» и «делать деньги». Интеллигентность как внешняя форма поведения оказалась весьма востребованной в сфере услуг – интеллигентская этика, напротив, осталась не у дел.

Интеллигенты, конечно, еще остались, но интеллигенция как сословие исчезла. Участники митингов на Проспекте академика Сахарова, люди, исповедующие «сахаровские» политические взгляды, не называют себя интеллигенцией (как того не делают и внешние наблюдатели). Сейчас в ходу имена нейтральные, уважительные («средний класс», «креативный класс», даже «образованный

класс») или презрительные («офисный планктон», «хомячки», «креаклы»), но интеллигенцией – хоть с возвышающими (*славная*), хоть с унижающими (*гнилая*) определениями – их не называют.

По опросу «Левада-центра», в 2021 году среди людей с высшим образованием большинство еще «слышали об академике Андрее Дмитриевиче Сахарове», но среди тех, кто моложе сорока, большинство уже отвечают отрицательно. Свою роль сыграли как выросшая на смену советскому агитпропу система манипулируемых властью массмедиа, так и естественные процессы забывания. Но главная причина – в уходе из социальной жизни субъекта, чьей моралью Сахаров жил и которую демонстрировал всему миру.

Есть мнение, что общество стало безморальным. Вряд ли это так. Мораль интеллигенции, ее политические и этические воззрения теряют статус высокого, статус нравственного императива. Они одновременно переживают такое широкое распространение, о котором наставники народа могли только мечтать. Но, став расхожим знанием, они стали ничьими, нет социальной инстанции, отвечающей за их поддержание. Соответственно, их исповедывание и следование им из социального признака превратилось в предмет личного выбора, личной ответственности. Хочешь помнить, кто такой Сахаров, – помни.